

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-960-965

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КАЛИНИНА Елена Владимировна,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия,
тел.: +7-920-506-06-44,
e-mail: kalinina_ev@lspu-lipetsk.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕХАНИЗМЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются возможности применения искусственного интеллекта при урегулировании частно-правовых споров и использования зарубежного опыта в российской медиации. Цель исследования состоит в разработке правовой модели включения ИИ в процедуру медиации при сохранении самостоятельности волеизъявления сторон. Рассмотрены зарубежные цифровые сервисы и российская практика онлайн-медиации. Обоснована необходимость разграничения согласия на использование ИИ и принятия сформированных с его помощью предложений. Особое внимание уделено конфиденциальности, проверке результатов работы цифровых систем и распределению ответственности за ошибки. Сделан вывод о допустимости выборочного использования функций ИИ при их соответствии характеру спора, требованиям российского права и договорной природе медиации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиация, частно-правовой спор, автономия воли, медиативное соглашение, конфиденциальность, цифровое урегулирование споров, зарубежный опыт.

Для цитирования: Калинина Е. В. Искусственный интеллект в механизме урегулирования частно-правовых споров посредством медиации // Образование и право. 2026. № 10. С. 960–965.

KALININA Elena Vladimirovna,
Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University,
Lipetsk, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MECHANISM FOR THE SETTLEMENT OF PRIVATE-LAW DISPUTES THROUGH MEDIATION

Annotation. The article examines the potential use of artificial intelligence in resolving private law disputes and the applicability of international experience to mediation in Russia. The study aims to develop a legal framework for integrating AI into mediation while preserving the parties' autonomy in decision-making. It considers international digital dispute resolution services alongside Russian practices of online mediation. The article argues for a clear distinction between consent to the use of AI and acceptance of proposals generated with its assistance. Particular attention is paid to confidentiality, verification of AI-generated outputs, and the allocation of responsibility for errors. It concludes that selected AI functions may be incorporated into mediation provided that their use is appropriate to the nature of the dispute and complies with Russian law and the consensual nature of mediation.

Key words: artificial intelligence, mediation, private-law dispute, party autonomy, mediated settlement agreement, confidentiality, online dispute resolution, foreign practices.

For citation: Kalinina E. V. Artificial intelligence in the mechanism for the settlement of private-law disputes through mediation. Education and law. 2026;(10):960–965. (In Russ.).

Использование искусственного интеллекта при урегулировании частно-правового спора ставит вопрос о юридическом значении действий, посредством которых стороны вырабатывают текст соглашения. Для медиации существенное значение имеет источник предлагаемых условий, возможность их свободного обсуждения и достоверность сведений, учитываемых при принятии решения. Все это свидетельствует о том, что оценка применения ИИ должна учитывать его влияние на волеизъявление сторон, распределение обязанностей между участниками процедуры и юридические последствия достигнутого результата. С каждым годом ИИ все более активно используется при проведении процедуры медиации. Сопоставление зарубежного опыта с российской практикой позволяет определить условия их использования при сохранении договорной природы урегулирования спора.

В отечественных исследованиях цифровизации внесудебного урегулирования дистанционное взаимодействие разграничивается с заменой медиатора программной системой. Скептическая оценка ИИ связывается со значением непосредственного психологического взаимодействия участников и недостаточной развитостью соответствующей практики [1, с. 475–477]. Вместе с тем вопрос об автоматизации всей процедуры не исчерпывает проблему допустимости отдельных аналитических функций. В зарубежной литературе разграничиваются средства коммуникации и системы содержательной поддержки урегулирования [2, с. 211–240]; предлагаются модели, объединяющие предварительную оценку спора, информационную поддержку, содействие в выборе решения и подготовку документов [3, с. 807–809]. Такое разграничение позволяет соотнести каждую функцию программы с полномочиями участника, использующего соответствующую систему.

Цель исследования заключается в определении условий использования наиболее успешных зарубежных практик применения ИИ в российской медиации. Сравнительно-правовой и формально-юридический методы используются для анализа функций цифровых сервисов и юридических последствий их применения. Основное внимание уделяется имущественным, в т.ч. семейно-имущественным, спорам. К инструментам на основе ИИ отнесены системы, использующие машинное обучение либо формализованные правила вывода для анализа материалов спора и подготовки предложений по его урегулированию; расчётные алгоритмы рассматриваются как смежный опыт. Критериями оценки выступают проверяемость сведений о применении технологии, сохранение автономии сторон, защищённость информации и совмести-

мость решения с российским правом.

Австралийская система *amisa* показывает значение согласования исходных данных: предложение о разделе имущества формируется с использованием ИИ после подтверждения пользователями фактических сведений, не является обязательным и может обсуждаться сторонами; сервис не рекомендуется при подозрениях на семейное насилие. Для российской практики важны предварительная оценка допустимости цифрового взаимодействия и разграничение согласия с исходными данными и согласия с предложенным вариантом. В *Smartsettle One* описано урегулирование в Великобритании спора об оплате обучения на сумму около 2 тыс. фунтов стерлингов: сопоставление предложений сторон, включая конфиденциальные пределы уступок, позволило достичь соглашения менее чем за час. Этот пример подтверждает использование алгоритма для согласования денежного требования, но не позволяет судить об общей эффективности технологии. Юридическое значение достигнутого совпадения должно определяться заранее согласованными условиями процедуры.

Dyspute.ai, согласно сведениям разработчика, использует большую языковую модель для анализа материалов, формирования предложений и подготовки проекта соглашения; пользователь определяет, какие документы и сведения становятся доступны другой стороне. При этом сервис не адаптирован к законодательству отдельных юрисдикций, поэтому подготовленный документ нуждается в самостоятельной юридической проверке, а независимые данные о результативности системы отсутствуют. *Presolv360* предусматривает алгоритмический подбор медиатора, дистанционное взаимодействие и электронное оформление договорённости. Здесь цифровые средства сочетаются с профессиональным посредничеством, а алгоритмический подбор специалиста не означает передачи программе содержательных функций медиатора.

Российская практика демонстрирует преимущественно организационное использование цифровых средств. Проект Центра медиации при РСПП и ООО «Сбер Лигал» сочетал профессиональное посредничество с техническим и юридическим обеспечением дистанционного взаимодействия; в 2023 г. сообщалось об онлайн-медиации между банком и предпринимателем с использованием «СберЮриста». Эти материалы подтверждают опыт дистанционного урегулирования, но не доказывают применения ИИ при выработке условий соглашения. Дополнительно следует учитывать зависимость доступности цифровой медиации от цифровой грамотности и защиты инфор-

мации [4, с. 1122–1123]. Поэтому оценке подлежат не только функции программы, но и организация услуги, включая помощь пользователю, проверку исходных данных и исправление ошибок.

Приемлемость ИИ зависит от характера выполняемой функции. В исследовании, проведенном в США на основе интервью и 152 анкет, выявлены различия в отношении респондентов к использованию ИИ для подготовительных операций и непосредственно во взаимодействии участников, а также значение доверия к ответственному применению технологии медиатором [5, с. 223–238]. Эти данные характеризуют восприятие технологии, но не эффективность медиации. Они подтверждают целесообразность раздельного согласования функций ИИ: согласие на дистанционное взаимодействие не означает согласия на передачу системе конфиденциальной информации или получение сформированных ею предложений. Следовательно, оцениваться должна конкретная функция ИИ вместе с условиями её осуществления и юридическими последствиями.

В российском праве исходные условия определяются Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», закрепляющим добровольность процедуры, возможность согласования порядка её проведения, требования к медиатору, конфиденциальность и ответственность. Требования ст. 15 к возрасту и дееспособности медиатора предполагают осуществление посредничества физическим лицом. Поэтому обозначение иностранного сервиса как «ИИ-медиатора» не определяет его юридическую квалификацию. Процедура без участия медиатора, в которой программа содействует согласованию условий, может рассматриваться как автоматизированная форма переговоров, а её результат – оцениваться по правилам о соответствующих сделках. Само наименование цифрового сервиса медиатором специальных последствий медиативного соглашения не создаёт.

При сохранении участия медиатора применение ИИ может быть предусмотрено согласованным сторонами порядком процедуры. Юридическая оценка зависит от того, кто использует систему и для какой задачи. Программа, помогающая стороне определить приемлемые условия рассрочки, формирует её переговорную позицию; аналогичный расчёт, используемый медиатором при совместном обсуждении, должен соответствовать требованиям к нейтральному посредничеству. Если оператор сервиса самостоятельно формирует и направляет сторонам условия урегулирования, распределение функций и обязанностей

меняется. Следовательно, одна технологическая операция может использоваться в различных по юридической природе отношениях, что исключает единый подход к допустимости всех форм применения ИИ.

Согласование функций ИИ и определение правовых оснований обработки информации являются самостоятельными вопросами. Ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» предусматривает различные основания обработки данных и условия поручения их обработки, а ч. 1 ст. 9 требует оформлять согласие субъекта отдельно от иных подписываемых им документов и информации. Поэтому соглашение о проведении медиации может определять способы применения ИИ и условия обращения к внешнему сервису, но не заменяет предусмотренные законом основания обработки персональных данных, включая данные третьих лиц. При исключительно автоматизированном решении, затрагивающем права и законные интересы субъекта, должны учитываться требования ст. 16 о письменном согласии либо специальном законном основании, разъяснении порядка принятия решения и возможности возражения. При использовании зарубежного сервиса дополнительно учитываются правила трансграничной передачи и места обработки данных; заимствование зарубежной модели при этом может быть реализовано посредством российского программного решения.

Особое значение имеет ч. 5 ст. 11 Федерального закона о медиации: медиатор не вправе вносить предложения об урегулировании спора, если стороны не договорились об ином. Согласие на использование ИИ для анализа документов не означает разрешения медиатору доводить до сторон сформированные системой варианты уступок. Направление такого варианта через используемый медиатором сервис должно оцениваться с учётом того же ограничения, иначе его можно было бы обойти изменением способа формирования предложения. В то же время сторона вправе самостоятельно подготовить предложение с использованием ИИ и представить его от своего имени. Юридическое значение имеет поэтому не только содержание результата, но и субъект, включающий его в переговорный процесс.

Конфиденциальность должна охватывать и результаты обработки, позволяющие восстановить сведения, непосредственно не раскрытые другой стороне. Ст. 5 Федерального закона о медиации устанавливает общий режим конфиденциальности, а ст. 6 допускает передачу медиатором полученных от одной стороны сведений другой стороне только с согласия их предоставившего лица. ИИ может косвенно раскрыть закрытую пере-

говорную позицию через сформированную рекомендацию, например точный предел допустимой уступки. Поэтому защита должна распространяться на результаты, позволяющие восстановить содержание конфиденциальной информации. В соглашении о проведении медиации целесообразно определять доступ системы к материалам и порядок использования результатов. Само использование конфиденциальных сведений для поиска соглашения не является разглашением; юридически значима возможность другой стороны установить содержание ранее не раскрытой информации.

Беспристрастность зависит и от организации цифрового взаимодействия. Исследования систем урегулирования показывают влияние заложенных в них целей и критериев результата на положение участников, а технологическую компетентность связывают с механизмами ответственности [6, с. 49–64]. Отсутствие у программы эмоций не делает систему нейтральной: инструмент, рассчитанный на максимизацию взыскания, отличается от системы сопоставления согласованных сторонами пределов уступок. Риски усиливаются неравным доступом к аналитическим возможностям и затруднениями части пользователей [7, с. 339–342]. Поэтому необходимы разъяснение принципов формирования предложений, техническая помощь и возможность продолжить переговоры без инструмента, вызывающего возражения одной из сторон.

На завершающей стадии следует разграничивать подготовку проекта соглашения и его юридическое оформление. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения обеспечивает возможность принудительного исполнения [8, с. 490–495]. Согласно ч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона о медиации, внесудебное медиативное соглашение по гражданско-правовому спору является гражданско-правовой сделкой и после нотариального удостоверения приобретает силу исполнительного документа. Ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате предусматривает обязательное участие медиатора при удостоверении такого соглашения. Ст. 160 и 434 ГК РФ допускают письменную форму сделки с использованием электронных средств при возможности воспроизвести содержание и достоверно установить лицо, выразившее волю. Поэтому цифровая подготовка проекта не препятствует юридическому оформлению, но не заменяет необходимых юридически значимых действий; согласие сторон должно относиться к определённой окончательной редакции документа.

Использование ИИ при подготовке проекта не изменяет профессиональных границ деятельности медиатора. Согласно п. 2 ч. 6 ст. 15 Феде-

рального закона о медиации, ему запрещается оказывать юридическую, консультационную или иную помощь какой-либо стороне. Поэтому содействие в изложении достигнутых договорённостей и проверку арифметических расчётов необходимо отличать от индивидуальной оценки юридической или экономической выгоды сделки, которая может быть поручена независимому специалисту. Автоматизированная подготовка соглашения не расширяет полномочий медиатора; при её использовании должны быть заранее определены пределы технической проверки, посреднического содействия и юридического консультирования.

Последствия ошибок ИИ требуют дифференцированной оценки. Неточность расчёта может быть исправлена до заключения соглашения, нарушение конфиденциальности способно повлечь самостоятельное требование о защите права, а существенное искажение представлений стороны – поставить вопрос о действительности волеизъявления. Ст. 178 и 179 ГК РФ предусматривают основания оспаривания сделок, включая существенное заблуждение, обман, насилие и угрозу. Само использование ИИ или последующее недовольство результатом таких оснований не образуют. Необходимо учитывать содержание ошибочных сведений, обстоятельства их доведения и влияние на решение о заключении сделки, разграничивая техническую ошибку и намеренное введение стороны в заблуждение.

Ответственность участников цифровой процедуры определяется законом и договором. В исследованиях онлайн-урегулирования отмечается, что условия цифровых сервисов нередко ориентированы на ограничение ответственности поставщика и недостаточно подробно регулируют оказание услуги [9, с. 305–306]. Ст. 17 Федерального закона о медиации устанавливает гражданско-правовую ответственность медиаторов и организаций, обеспечивающих проведение процедуры, за причинённый участникам вред. Технический поставщик не становится медиатором только вследствие предоставления программного обеспечения. Поэтому договор должен разграничивать обязанности по сохранности информации, проверке результатов и устранению ошибок. Отсутствие гарантии достижения соглашения или его экономической выгоды не освобождает обязанное лицо от ответственности за нарушение конкретного обязательства.

Ориентиры для конкретизации обязанностей содержатся в стандартах АААi по использованию ИИ в альтернативном урегулировании споров, предусматривающих человеческий контроль, защиту данных, проверку точности, прозрачность и ответственность профессиональных участников.

Эти стандарты не обязательны в российском праве, но могут учитываться при разработке регламентов и договорном оформлении процедур. Необходимо определить лицо, ответственное за проверку результата, доступный ему объём материалов и порядок действий при обнаружении недостатков. Формальное одобрение автоматически подготовленного проекта без возможности проверить исходные сведения и расчёты не обеспечивает надлежащего контроля, тогда как техническая проверка не подменяет самостоятельного волеизъявления сторон.

Отдельного регулирования требует последующее использование материалов процедуры. В теории цифрового урегулирования рассматривается предупреждение споров на основе анализа накопленных данных [10, с. 83–84]. Однако согласие на обработку сведений для урегулирования конкретного спора не распространяется автоматически на их использование для обучения модели ИИ. Обезличивание персональных данных также не прекращает требований конфиденциальности в отношении коммерческих условий и содержания переговоров. Поэтому следует заранее определять правовые основания и сроки хранения информации, разграничивая технические данные, необходимые для проверки сервиса, и полные записи конфиденциального взаимодействия.

Проведённое исследование позволяет предложить модель раздельного согласования способов применения ИИ в медиации. На организационном уровне должны определяться состав обрабатываемых материалов, порядок доступа и исправления ошибок; при использовании ИИ непосредственно в переговорах дополнительно согласуются формирование и представление предложений, а также работа с конфиденциальной информацией. Юридическое оформление результата осуществляется по правилам, установленным для соответствующей сделки. Каждая функция ИИ должна оцениваться отдельно с точки зрения правового основания её использования и обязанностей ответственного лица. Такая модель может закрепляться в медиативном регламенте и соглашении о проведении конкретной процедуры.

Практическое применение модели предполагает, что сторона до начала использования соответствующего инструмента понимает его назначение, состав передаваемых данных и последствия сформированного результата, а медиатор и оператор цифрового сервиса заранее разграничивают собственные обязанности. Такой подход позволяет оценивать технологию применительно к конкретной стадии и конкретной юридически значимой операции.

Таким образом, использование зарубежно-

го опыта ИИ в медиации должно строиться на выборочном заимствовании отдельных способов обработки информации и содействия формированию предложений. Наличие документированных примеров применения технологии не доказывает её допустимость и эффективность в российском правовом порядке. Оценке подлежат роль медиатора, автономия воли сторон, режим информации и юридическое значение результата. Предлагаемая модель связывает каждую допустимую операцию с правовым основанием, порядком доступа к сведениям и ответственным лицом, позволяя использовать цифровые средства при сохранении самостоятельности волеизъявления сторон и надлежащего оформления достигнутых договорённостей. Необходимость специальных законодательных изменений должна определяться наличием гарантий, которые объективно невозможно обеспечить действующими нормами и договорным регулированием процедуры.

Список литературы:

- [1] Добряков Д.А., Каса И., Сухоставская Ю.В. Применение цифровых технологий в судопроизводстве и внесудебном урегулировании споров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 2. С. 461–481.
- [2] Carneiro D., Novais P., Andrade F., Zeleznikow J., Neves J. Online dispute resolution: an artificial intelligence perspective // Artificial Intelligence Review. 2014. Vol. 41. No. 2. P. 211–240.
- [3] Zeleznikow J. Using Artificial Intelligence to provide Intelligent Dispute Resolution Support // Group Decision and Negotiation. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 789–812.
- [4] Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 4. С. 1113–1124.
- [5] Choi Y. Using AI in My Disputes? Clients' Perception and Acceptance of Using AI in Mediation // Conflict Resolution Quarterly. 2025. Vol. 43. No. 2. P. 223–238.
- [6] Wing L., Martinez J.K., Katsh E., Rule C. Designing Ethical Online Dispute Resolution Systems: The Rise of the Fourth Party // Negotiation Journal. 2021. Vol. 37. No. 1. P. 49–64.
- [7] Alessa H. The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // Information & Communications Technology Law. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 319–342.
- [8] Бегичев А.В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // Вест-

ник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500.

[9] Ebner N., Zeleznikow J. No Sheriff in Town: Governance for Online Dispute Resolution // *Negotiation Journal*. 2016. Vol. 32. No. 4. P. 297–323.

[10] Katsh E., Schwartz-Maor T., Rabinovich-Einy O. AI and the Future of Disputing: Naming, Blaming, Claiming, and Preventing // *Conflict Resolution Quarterly*. 2025. Vol. 43. No. 1. P. 79–89.

References:

[1] Dobryakov D.A., Kasa I., Sukhostavskaya Yu.V. The Use of Digital Technologies in Judicial Proceedings and Out-of-Court Dispute Resolution // *RUDN Journal of Law*. 2021. Vol. 25. No. 2. pp. 461–481.

[2] Carneiro D., Novais P., Andrade F., Zeleznikow J., Neves J. Online dispute resolution: an artificial intelligence perspective // *Artificial Intelligence Review*. 2014. Vol. 41. No. 2. pp. 211–240.

[3] Zeleznikow J. Using Artificial Intelligence to provide Intelligent Dispute Resolution Support // *Group Decision and Negotiation*. 2021. Vol. 30. No. 4. pp. 789–812.

[4] Gronik I.A. Transformation of Digital Dispute

Resolution Methods in India // *RUDN Journal of Law*. 2023. Vol. 27. No. 4. pp. 1113–1124.

[5] Choi Y. Using AI in My Disputes? Clients' Perception and Acceptance of Using AI in Mediation // *Conflict Resolution Quarterly*. 2025. Vol. 43. No. 2. pp. 223–238.

[6] Wing L., Martinez J.K., Katsh E., Rule C. Designing Ethical Online Dispute Resolution Systems: The Rise of the Fourth Party // *Negotiation Journal*. 2021. Vol. 37. No. 1. pp. 49–64.

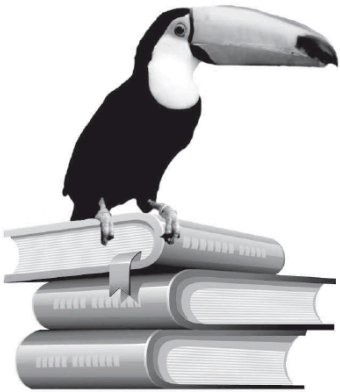
[7] Alessa H. The role of Artificial Intelligence in Online Dispute Resolution: A brief and critical overview // *Information & Communications Technology Law*. 2022. Vol. 31. No. 3. Pp. 319–342.

[8] Begichev A.V. The Role of Digitalization in the Interaction Between Judicial and Notarial Bodies in the Application of Conciliation Procedures // *RUDN Journal of Law*. 2022. Vol. 26. No. 2. Pp. 485–500.

[9] Ebner N., Zeleznikow J. No Sheriff in Town: Governance for Online Dispute Resolution // *Negotiation Journal*. 2016. Vol. 32. No. 4. Pp. 297–323.

[10] Katsh E., Schwartz-Maor T., Rabinovich-Einy O. AI and the Future of Disputing: Naming, Blaming, Claiming, and Preventing // *Conflict Resolution Quarterly*. 2025. Vol. 43. No. 1. Pp. 79–89.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru